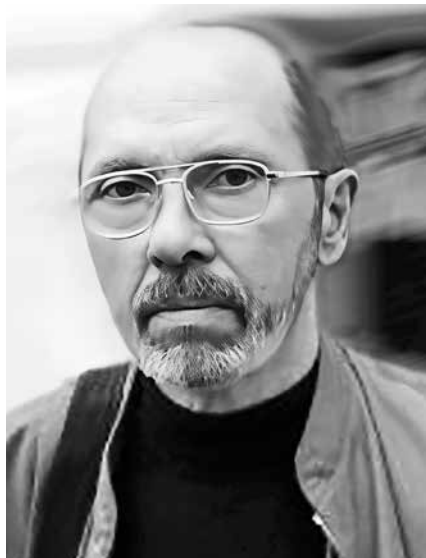

Юрий Крохин – писатель, эссеист, критик, журналист, академик Евразийской академии телевидения и радио, автор сценариев телевизионных фильмов, в том числе документальных лент «Дуэль Вадима Делоне» и «Юрий Кувалдин. Жизнь в тексте», член Союза писателей Москвы.

В 1970 году окончил факультет журналистики МГУ. Печатался во многих газетах и журналах. Около десяти лет работал в Гостелерадио – ассистентом звукорежиссера Центрального телевидения, редактором и заместителем ответственного секретаря журнала «Телерадиоэфир». В 1995–2006 годах – обозревателем отдела «Говорит и показывает Россия» «Российской газеты».

Юрий КРОХИН

ЧТОБЫ СЛОВО В ДУШЕ ПРЕЛОМИЛОСЬ...

Мир и Поэзия великого кочевника

Ритмичный пульс жизни в стихах Бахытжана бьется непринужденно, глубокая внутренняя потребность высказаться рождена мгновениями земного бытия, и надо отметить, что в данном творческом процессе поэт находит свежие образы и краски в раскрытии общечеловеческих тем – Родины, Матери, Любви. Бахытжан Кананьянов пришел к пониманию графика судьбы, графика, выверенного кардиограммой поэтического сердца.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Наверное, лучше, образнее оценить поэтическое творчество Бахытжана Кананьянова, чем это сделал патриарх казахской и мировой поэзии, вряд ли кому удастся. И высказывание многомудрого Олжаса никоим образом не тот случай, когда «кукушка хвалит петуха», – это взвешенное суждение мэтра об успехах своего подопечного.

Бахытжан (он также именуется Жан Бахытом – с легкой руки французского переводчика) с гордостью признает себя учеником мэтра:

*Вот календарь, а в нем Олжас,
Учитель мой неукротимый...*

Вообще с учителями Бахытжану повезло. В Москве, в пору учебы на Высших литературных курсах, он оказался на семинаре Александра Межирова, вольнослушателем посещал поэтический семинар Евгения Винокурова. За-

нимаясь на Высших курсах режиссеров-сценаристов, молодой Жан Бахыт попал в поле зрения Эмиля Лотяну, с которым довелось поработать на съемках картины «Мой ласковый и нежный зверь» и сдружиться на всю жизнь. Блистательный режиссер и сам был поэтом-лириком. Говорить об учительстве в контексте поэзии сложно; как можно научить писать стихи? Да, есть определенные законы стихосложения, представления о размерах, строфике, ритме, звукописи и пр. Но один, следуя правилам, становится заурядным рифмоплетом; другой, нарушая незыблемые каноны, создает собственную поэтическую вселенную. Не стоит вместе с тем сбрасывать со счетов оправданное следование традициям, эманацию великих предшественников...

В далеком 1982 году Александр Межиров отмечал: «В стихах Бахытжана Канашьянова есть, на мой взгляд, вещество поэзии, и оно пока не в полной мере раскрыто не только читателем и критикой, но и самим поэтом. Я думаю, что поэт ищет свой стиль...» Свой стиль Бахытжан нашел, обрел единственный и неповторимый голос, осознал, что поэзия – это не просто написание поэтических строк, а состояние души.

Состояние души... Вероятно, это те мгновения, когда некая великая небесная гармония снисходит в душу поэта. Иосиф Бродский приоткрыл завесу тайны рождения стихов: «Я думаю, что стихотворение начинается с некоего шума, гула, если угодно, у которого есть свой психологический оттенок. То есть в нем звучит как бы если не мысль, то, по крайней мере, некоторое отношение к вещам. И когда вы пишете, вы стараетесь на бумаге к этому гулу более-менее приблизиться, в известной степени рациональным образом...»

Нечто подобное испытывал Осип Мандельштам. Стихи начинаются так, вспоминала вдова поэта Надежда Яковлевна: «в ушах звучит назойливая, сначала неоформленная, а потом точная, но еще бессловесная музыкальная фраза... Весь процесс сочинения состоит в напряженном улавливании и проявлении уже существующего и неизвестно откуда транслирующегося гармонического и смыслового единства, постепенно воплощающегося в слова...»

Ощущает ли нечто подобное Бахытжан Канашьянов, как удается ему воплотить в словах божественную гармонию? Подозреваю, что выразить это достаточно сложно – если возможно вообще. Да и надо ли?

*Строфою рождается образ
И птицею бьется в строфе.
И вся эта горняя область
Поэзией выйдет к тропе.*

Нет сомнения, что влияние на становление творческой манеры Канашьянова оказала поэзия Востока, наследие выдающихся казахских поэтов. Заметим, однако, что Бахытжан, родившийся в городе Кокшетау в семье учителей, окончил русскую школу. Стихи и прозу писал по-русски. Казахский язык впитывал, переводя на русский классиков казахской литературы – Абая, Магжана Жумабаева, Шакарима Кудайбердиева и других. Перевел, в том числе, фольклорную лирико-эпическую поэму «Кыз-Жибек» – «*пять тысяч строк, пять лет труда... Мои дети узнали, что перевод поэмы – моих рук дело, только из школьной программы*».

Оставалось, однако, некое противоречие: казахский поэт пишет по-русски, а как же родной язык? И вот отсюда, вероятно, родилось трогательное – и драматическое! – стихотворение:

*Позабытый мной с детства язык,
Пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.
Я пойму неизвестного мне
Уходящего аборигена,*

*Но когда я средь ночи во сне
Перед предком склоняю колено,
Сознаю, что не верит он мне,
Как пришельцу из тяжкого плена.
Усмехнется он в той стороне:
Ты меня недостойная смена.*

Поэт прокомментировал его:

– Я поэт, писатель, всю жизнь пишу на языке Пушкина. Но после декабрьских событий 1986-го за написанное в те годы стихотворение «Позабытый мной с детства язык» крепко по шапке получил. Там рифма есть «пресловутое двуязычие – двуличие». Вот за это больше всего досталось. Хотя стихотворение совсем о другом. В нем нет никаких националистических мотивов. Это сожаление «асфальтового» мальчика, воспитанного в городской интеллигентной среде, о том, что когда-то не знал родного языка...

Литературный наставник поэта критик Станислав Лесневский высказался так: «Бахытжан Канапьянов пишет на русском языке. Но пишет с тайной и открытой тоской по языку предков и сородичей — казахскому языку. К естественной для поэта муке “невыразимого” — “мысль изреченная есть ложь” — добавляется мука “измены”. Изреченная на неродном языке, передастся ли мысль родного народа?»

На самом деле проблема, возникшая в силу известных исторических обстоятельств, имеет и определенные позитивные свойства, — их сформулировал сам Жан Бахыт:

– Всех нас объединяет великий язык Пушкина, язык великой русской литературы как инструмент выражения своего национального восприятия. Нам необходимо это живительное культурное пространство. Оно было, оно есть, оно будет. Русскоязычное пространство заложено в нас генетически. Мы воспитаны не только на Абае и Махамбете, Рудаки, Омаре Хайяме, но и на Пушкине, Марине Цветаевой, Андрее Платонове. Через восприятие русской литературы мы узнавали и европейскую.

Это чрезвычайно сложное культурологическое явление — русскоязычная литература стран Центральной Азии — заслуживает пристального изучения. Сами поэты и прозаики, казахские, в частности, глубоко и серьезно рассуждают на эту тему, что видно из заметок алмаатинской поэтессы Асель Омар:

– Как и многие другие представители поэтических поколений казахов, Канапьянов не может не испытывать особенного состояния, вызванного сочетанием восточного, тюркского образа мысли и данного с рождения русского языка. Подобное сочетание, подарившее нашей литературе не один талант, во многом характеризует ее состояние в XX веке. Этот феномен, пожалуй, еще будет рассматриваться в отечественном литературоведении...

* * *

В поэзии Бахытжана каким-то волшебным образом сочетаются память детства с чистым, удивленным, радостным взглядом на мир — и умудренность много повидавшего и пережившего человека. Не случайно он, процитировав Антуана де Сент-Экзюпери, восклицает:

*Я родом из детства, где яблоки зноем налиты,
Где слушал в траве я стрекоз и кузнечиков музы,
Где ветви согнулись под тяжестью спелого груза,
Где корни деревьев арычною влагой омыты...*

Или вновь возвращается в далекое прошлое:

*Я вспомню детство с тихим двориком,
Себя почувствую я школьником,
И от толпы отстану в тень.*

Но, оставив позади утонувшее в дымке детство, вступив в почтенный возраст, Бахытжан и поныне пребывает молодым.

– Есть тест, определяющий, сколько тебе лет в душе. Недавно друзья меня протестировали, и выяснилось, что мне в душе всего 21. Я доволен. Ничего не поделаешь, – признает Бахытжан, – годы летят, наступила пора оглянуться на прошлое.

Готов вновь и вновь с наслаждением цитировать полюбившиеся строки. Бахытжан Канапьянов с течением времени безукоризненно отточил перо, стал еще более философичен. Его поэтическая техника достигла высокой степени совершенства. Поэту уже не нужно изобретать замысловатые рифмы, изысканные метафоры. Стих его прост и строг. Борис Пастернак (думается, Бахытжан в определенной степени не избежал влияния его поэзии) так выразил это ощущение: *В родстве со всем, что есть, уверясь, / И сталкиваясь с ним в быту, / Нельзя не впасть к концу, как в ересь, / В неслыханную простоту.*

В представлении поэта возникает некое метафизическое вещество поэзии.

– *Искусство поэзии – это когда в человеке вдруг вспыхивает божья искра и высекается вещество поэзии. Чем больше в стихах поэта этого самого вещества, тем он талантливее.*

Ну вот яркий пример нематериального вещества поэзии:

*В долине таял образ дня,
Рождались тени,
Куст превращался возле пня
В рога оленя.
Бездонно следом ночь плыла,
Дышала тучей
Сквозь слой воздушного стекла
Над горной кручей.*

*Войду ли в ночь... Но белый конь
Скачком с кургана
Обронит и в мою ладонь
Росу тумана.
В ней возгорится образ дня
Лучом кристальным...
Всё повторится без меня
В долине дальней.*

Любому читателю очевидно, что Бахытжан мастерски владеет всевозможными формами стиха – это и классический сонет, и верлибр, и акростих, и векзамер, – термин, изобретенный Канапьяновым. Рифма, считает поэт, помогает – в ней скрыта какая-то тайна, порою спрятан ключ к раскрытию образа. Замечу, что и в прозе Жан Бахыт остается поэтом, его восприятие всего сущего – сугубо поэтическое.

Думается, что стихи и проза для него – как правая и левая рука для пианиста, исполняющего полифоническую фугу.

Образ поэта видится двуединым. Он плоть от плоти казахской Степи, чингизид, потомок великого Чокана Валиханова. И он же – рафинированный эрудит, гражданин мира, объездивший, кажется, весь свет, поэт, прозаик, переводчик высочайшего класса, издатель. Суверенный Жан Бахыт, чьи книги стихов и прозы переведены и изданы на десятках языков.

*Я кочевник с авиабилетом,
Визами мой паспорт испещрен...*

Странствия, которые неудержимо влекут поэта, рожают вдохновение:

*Манит берег Средиземноморья,
Осень Новой Англии влечет...*

Для поэта – «Яблоком дышит Нью-Йорк», а «Венский ветер выносит к Дунаю». И это не простой перечень географических названий, не путеводитель по городам и весям, а стремление объять и понять разноликий мир, ибо, как замечает Жан Бахыт, номад-кочевник – это человек, который, отбросив свою оседлость, приковывающую к месту бытия, несет в себе новое открытие – познание других – в себе...

...Размышляя о природе поэзии, он приходит к таким заключениям:

– *Не только точные науки, начиная от аль-Фараби, Авиценны, пришли в Европу, через соответствующие переводы уже на ряд европейских языков. Пришел и размер, скажем так, сонета – с английским или итальянским ключом. К примеру, возьмем рифмовку рубаи – а, а, б, а. Так или иначе, это всё присутствует в сонетах, включая математические числа слогов и ритма, но всё одно – вначале было Слово!*

Это открытие для меня стало важным. Как будто всё: и рубаи, и ай-тыс, и сонеты Пушкина – связаны одной глубинной нитью. Ведь европейский сонет тоже отчасти родился из восточной стиховой традиции. Английский, итальянский сонет – всё это одна цепь.

Нынче, когда всё мощнее и беспощаднее вторгаются в жизнь новейшие достижения науки и техники, – тотальная компьютеризация, искусственный интеллект etc., – уходят в предания представления о поэте, склонившемся над чистым листом бумаги, ожидающем явления Музы. Жан Бахыт остается верен себе: он бережно хранит подаренную когда-то сестрой пишущую машинку «Москва» – на тот случай, если рабочий инструмент – компьютер – откажет. Он верит, что стихосложение – удел человеческого гения.

– *Когда-то, до эпохи ИИ, искусственного интеллекта, вывел формулу, что «Буквой» условно называют чувственное восприятие мира, то есть поэзию, прозу, начиная с фольклорного сознания. А «Цифра» – производная от всего перечисленного. И она мертва сама по себе, без этого базиса. Значит, Буква через стихи первична, а Цифра вторична. И мне ничего не оставалось делать, как объявить день 29 февраля (Канапьянов день, который всплывает, как кристалл поэзии, в високосный год и вновь исчезает на четыре года) Всемирным днем Поэзии, ибо Стихи остались.*

Общая тетрадь

(Буква и Цифра)

В линейку общая тетрадь

Мне ближе по душе – чем в клетку;

Мой почерк будет подправлять –

Как в древе молодую ветку.

Я верен остаюсь судьбе,

Той самой почерковой жизни,

Что так подвластна ворожке

В реальности и после тризны.

И эта общая тетрадь,

В ней памятью хранимый вектор,

Не цифрой – буквой будет ждать

Вне интернета – интеллекта.

Необозримая вдали,

Где вспыхнет сон неясным смыслом

За горизонтом той земли,

Там радуга ждет коромыслом.

Мой Боже, всё храни опять,

Смывая с памяти линейки...

Мне жизни общая тетрадь

Укажет место на скамейке.

* * *

Бахытжана Канапьянова благословил не только маститый Олжас Сулейменов, на суд которого он приносил свои ранние поэтические опыты. Держу в руках прекрасно изданный томик «На стыке веков. Поэт Бахытжан Канапьянов» – сборник литературных материалов о творчестве Жан Бахыта, выпущенный издательством «Гылым», Алматы, 2001. Четверть века, минувшая со времени выхода книги, не умаляет ее ценности. Некоторых из писавших о поэзии Канапьянова уже нет, и сам поэт все эти годы расширял свой поэтиче-

ский горизонт, выпускал новые книги стихов и прозы, продолжал издательскую деятельность.

Свой замечательный, душевно теплый очерк Ян Август (литературный псевдоним поэта Сергея Мнацаканяна) озаглавил: «Брат из другого народа». Автор вспоминает начало 80-х, когда он и Бахытжан Канапьянов оказались слушателями Высших литературных курсов при московском Литературном институте, произошло их знакомство, перешедшее в многолетнюю дружбу.

«В книжечке стихов с бесхитростным названием “Ночная прохлада” можно разглядеть черты поэта, каким очень скоро станет Бахытжан. Он точен в деталях, он внимателен к окружающему его миру, он любит легкое, нескованное слово:

*Я родом из юрты, где дед совершает молитву,
Коленями встав на молитвенный вытертый коврик.
Я слушаю деда... И кошмы луною облиты,
И старый сундук разноцветным железом окован...»*

Есть в сборнике стихи Эмиля Лотяну, посвященные Бахытжану:

*Передо мной потомок Чингисхана
Без лука, без коня и без копы.
Не призрак это и не бред – но странно
Коснуться плоти грозного вождя!
Я след веков искал и след родства
На дне зрачков – а там печаль познаний.
Покой степи был там, и тень отца,
И, где-то вдаль, скользили кротко лани...*

Англичанин Петер Кан писал:

«Из глубин Центральной Азии, так долго скрываемой от западного взгляда русскими царями и пришедшими им на смену Советами, возник этот самобытный поэтический талант. Никогда прежде не издававшийся за рубежом, он томился в ожидании официального признания, находясь на грани опасного диссидентского мира. Поэзия Бахытжана Канапьянова – это меланхолическое сожаление о бесцельно прожитых годах и утерянных свободах, смешанное с волнующим оптимизмом. Этот томик стихов – радостное, деятельное ожидание нового тысячелетия, в котором иногда заметна парадоксальная грусть кончины империи... И во всех произведениях Канапьянова доминируют юмор и ум, его остроумие, тонкая наблюдательность и более всего надежда».

Американский поэт Петер Оресик, который перевел и издал книгу стихов Жан Бахыта «Время тишины», так оценивал его поэзию:

«Читатель по воле автора и переводчика следует за поэтом по “горной дороге” его стихов, видит сквозь туман в мифической долине далекий костер, лучи солнца сквозь шелестящую осеннюю листву, а также огни вечерних окон современного города, каким является город Алма-Ата. Время, по поэтическому утверждению Бахытжана Канапьянова, это не только движение минутной и часовой стрелки или электронный отсчет цифр, время – это поэтическое путешествие в океан памяти».

«Особенностью Востока было то, что как раз из потомков великих завоевателей происходили многие известные миру ученые и поэты, – утверждал народный писатель Казахстана Морис Симашко в очерке “Печать веков”. – Вот уже много лет слежу за творчеством своего молодого друга – Бахытжана Канапьянова. Прямой потомок Чингисхана, он в силу своего происхождения старался не выделяться в те времена, когда человек отвечал не только за своего отца, но и за предка восьмисотлетней давности. И тем не менее нельзя было не заметить

появления этого поэта на фоне “правильного” соцреалистического стихотворчества. Вначале испытывая влияние Олжаса Сулейменова, эта поэзия быстро приобрела собственное лицо, отражающее неординарную натуру автора».

Даже приведенные выдержки из материалов сборника, уверен, дают представление о том, какой видится собратом по перу, друзьям и коллегам личность Бахытжана Канашьянова, мир его поэзии.

Но вот еще радостная весть. К 75-летию поэта его друзья подготовили двухтомник «Жан Бахыт. Кочевая звезда Бахытжана» – сборник статей, эссе, заметок о творчестве своего великого современника. В нем встретим много знакомых по сборнику «На стыке веков» имен литераторов, коллег и соратников Бахытжана Канашьянова. Верю, что стараниями поклонников творчества поэта и прозаика издание состоится, и мы узнаем немало нового о поисках, находках и устремлениях Жан Бахыта.

Когда-то на мой вопрос, не пришло ли время подводить итоги, Фазиль Искандер ответил отрицательно. Полагаю, что с любимым писателем согласится и Жан Бахыт. Но прожитые три четверти века он вправе окинуть взглядом.

Три четверти века

<i>Живи еще хоть четверть века...</i> Александр Блок	<i>Три четверти века мне было дано Сквозь рифмы, сквозь рифы. Стою у окна, и раскрыто оно Из реальности в мифы.</i>
<i>Три четверти века уже позади, Три четверти века. И в чётках былого ты миг свой найди И – суть человека.</i>	<i>Осталось немного в котомке судьбы, Хлеб с солью да звёзды. А может быть, звёзды есть соль от ходьбы, И птицы надежды от скрипа арбы Попрячутся в гнездах.</i>
<i>Нечет и чёт, Перебирая тасбих, Вспомнишь немало. Стих времени гул, Остается лишь стих – Начало начала.</i>	<i>Три четверти века уже позади, Три четверти века. Тропою судьбы мне и дальше идти, И помнить, что было однажды в пути, До первых утрат, До первой любви, До детского смеха.</i>
<i>А зрение меркнет, но памяти свет Тропой на дорогу, Где вышла луна, никого уже нет У Господа – Бога.</i>	

Замечательное это стихотворение не требует комментариев. Может быть, не сказал чего-то, – не так просто объять поэтическую вселенную Жан Бахыта. Вернусь еще, если Господь даст сил, напишу о новых вещах моего друга...

Хочу низко поклониться Бахытжану Канашьянову, моему брату из другого народа, чьим многогранным дарованием не устаю восхищаться, и повторить древнюю молитву, которую произнёс он у священного камня на берегу Иссык-Куля:

«Боже, даруй мне просветлённость, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество, чтобы изменить то, что я могу, и мудрость, чтобы увидеть разницу; дай мне жить сегодняшним днём, радуясь каждой минуте, принимая трудности лишь как тропинку к миру; дай мне принимать этот мир таким, какой он есть, а не таким, каким бы я хотел его видеть; дай мне верить, что ты всё устроишь так, как надо, если я повинуюсь твоей воле, дабы я мог быть по-настоящему счастлив в этой жизни и в высшей степени счастлив в будущей. Аминь».

Москва, июнь 2026